

81 769

ЕВГЕНІЙ
ОНЪГИНЪ.

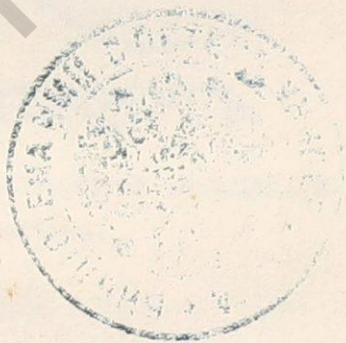
ГЛАВА VI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1828.

С П 6 Г У

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

СПбГУ

81769

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

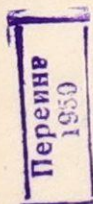
АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

18861
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1828.

La sotto giorni nubilosi e brevi
Nasce una gente a cui l'morir non dole.

P E T R.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Замѣшивъ, что Владиміръ скрылся,
Онѣгинъ, скукой вновь гонимъ,
Близъ Ольги въ думу погрузился,
Довольный мщеніемъ своимъ.
За нимъ и Олинька зѣвала,
Глазами Ленскаго искала,
И безконечный кошильонъ
Ее шомилъ, какъ тяжкій сонъ.

Но конченъ онъ. Идушь за ужинъ.
 Поспели спелюшь; для гостей
 Ночлеги ошводяшь ошь съней
 До самой дѣвичьи. Всѣмъ нужень
 Покойный сонъ. Онѣгинь мой
 Одинъ уѣхаль спашь домой.

II.

Все успокоилось: въ гостинной
 Храпиль тяжелый Пущяковъ
 Съ своей тяжелой половиной.
 Гвоздинъ, Буяновъ, Пѣшущковъ
 И Фляновъ, не совсѣмъ здоровой,
 На спульяхъ улеглись въ споловой,
 А на полу мосье Трике,
 Въ фуфайкѣ, въ шаромъ колпакѣ.
 Дѣвицы въ комнахахъ Ташьяны
 И Ольги всѣ обяпы сномъ.

Одна, печально подь окномъ
 Озарена лучемъ Діаны,
 Ташьяна бѣдная не спить
 И въ поле шемное глядишь.

III.

Его нежданымъ появленьемъ,
 Мгновенной нѣжностью очей
 И страннымъ съ Ольгой поведеньемъ
 До глубины души своей
 Она проникнута; не можешь
 Никакъ понять его; тревожишь
 Ее ревнивая тоска,
 Какъ будшо хладная рука
 Ей сердце жмешь, какъ будшо бездна
 Подь ней чернѣешь и шумишь...
 « Погибну, Таня говоришь,
 Но гибель опть него любезна.

Я не ропщу: зачѣмъ ропшашь?

Не можешъ онъ мнѣ счастья дать.

IV.

Впередъ, впередъ, моя испорья!

Лицо насъ новое зовешъ.

Въ пяши верспахъ ошь Красногорья,

Деревни Ленскаго, живешъ

И здравсшвуетъ еще донынѣ

Въ философической пусшынѣ

Зарѣцкѣй, нѣкогда буянѣ,

Каршежной шайки ашаманѣ,

Глава повѣсь, шрибунѣ шракширный,

Теперь же добрый и просшой

Ошець семейсшва холосшой,

Надежный другѣ, помѣщикѣ мирный

И даже чеспный человекѣ:

Такъ исправляешся нашѣ вѣкъ!

V.

Бывало, льспивый голосъ свѣша
 Въ немъ злую храбросшь выхваляль:
 Онъ, правда, въ шузь изъ пистолеша
 Въ пѣши саженьяхъ попадаль,
 И шо сказашь, чшо и въ сраженьи
 Разъ въ наспоющемъ упоеньи
 Онъ опличился, смѣло въ грязь
 Съ коня Калмыцкаго сваясь,
 Какъ зюзя, пьяный, и Французамъ
 Доспался въ плѣнь: драгой залогъ!
 Новѣйшій Регуль, чесши богъ,
 Гошовый вновь предашься узамъ,
 Чшобъ каждымъ ушромъ у Вери
 Въ долгъ осушашь бушылки шри.

VI.

Бывало, онъ шрунилъ забавно,
 Умѣль морочить дурака

И умнаго дурачишь славно,
Иль явно, иль изподнишка,
Хошь и ему иныя шшуки
Не проходили безъ науки,
Хошь иногда и самъ въ просакъ
Онъ понадался, какъ просакъ.
Умѣль онъ весело поспоришь,
Оспро и шупо отвѣчашь,
Порой расчешливо смолчашь,
Порой расчешливо повздоришь,
Друзей поссоришь молодыхъ
И на барьеръ поспавишь ихъ,

VII.

Иль помиришь ихъ засшавишь,
Дабы позавшпракашь впроемъ,
И послѣ шайно обезславишь
Веселой шупкою, враньемъ.

Sed alltri tempora! Удалось
 (Какъ сонъ любви, другая шалость)
 Проходишь съ юностью живой.
 Какъ я сказала, Зарѣцкій мой,
 Подъ сѣнь черемухъ и акацій
 Опъ бурь укрывшись наконецъ,
 Живешь, какъ испинный мудрецъ,
 Капусту садишь, какъ Горацій,
 Разводишь упокъ и гусей
 И учишь азбукъ дѣпей.

VIII.

Онъ былъ не глупъ; и мой Евгений,
 Не уважая сердца въ немъ,
 Любилъ и духъ его сужденій,
 И здравый полкъ о шомъ, о семь,
 Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
 Видался съ нимъ, и шакъ нимало

Поутру не былъ удивлѣнь,
 Когда его увидѣлъ онъ.
 Топъ послѣ перваго привѣща,
 Прервавъ начашый разговоръ,
 Онъгину, пошупя взоръ,
 Вручилъ записку отъ поэта.
 Къ окну Онъгинъ подошелъ,
 И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ приятный, благородный,
 Корошкй вызовъ иль *картель*:
 Учпиво, съ ясностью холодной
 Звалъ друга Ленскй на дуэль.
 Онъгинъ съ перваго движенья,
 Къ послу шакаго порученья
 Оборотясь, безъ лишнихъ словъ
 Сказаль, что онъ *всегда готовъ*.

Зарѣцкій вспаль безъ объясненій;
 Оспашься долъ не хошълъ,
 Имѣя дома много дѣлъ,
 И пошчасъ вышелъ; но Евгений
 Наединѣ съ своею душою
 Былъ недоволенъ самъ собой.

Х.

И подѣломъ: въ разборъ спрогомъ,
 На шайный судъ себя призвавъ,
 Онъ обвинялъ себя во многомъ:
 Вопервыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,
 Чшо надъ любовью робкой, нѣжной
 Такъ подшумилъ вечеръ небрежно.
 А во вшорыхъ: пускай поэшь
 Дурачншся; въ осмьнадцашъ лѣтъ
 Оно проспипельно. Евгений,
 Всѣмъ сердцемъ юношу любя,

Быль долженъ оказашь себя
 Не мячикомъ предрасужденийъ,
 Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
 Но мужемъ съ чеспью и съ умомъ.

XI.

Онъ могъ бы чувспва обнаружись,
 А не щепинишься, какъ звѣрь;
 Онъ долженъ былъ обезоружись
 Младое сердце. « Но шеперь
 Ужь поздно; время улешьло...
 Къ шому жь, онъ мыслишь, въ эшо дѣло
 Вмѣшался спарый дуэлишь;
 Онъ зодь, онъ сплешникъ, онъ рѣчисшь...
 Конечно: бышь должно презрѣнье
 Цѣной его забавныхъ словъ,
 Но шопощь, хохощня глупцовъ... »
 И вошь общественное мнѣнье!

Пружина чесши, нашъ кумирь!
И вошь, на чемъ вершился мѣрь!

XII.

Кипя враждой неперпѣливой,
Ошвѣша дома ждешъ поэшъ;
И вошь сосѣдъ велерѣчивой
Привезъ шоржесшвенно ошвѣшъ.
Теперь ревнивцу шо-шо праздникъ!
Онъ все боялся, чшобъ проказникъ
Не ошшущился какъ нибудь,
Уловку выдумавъ и грудь
Ошворошивъ ошъ писшолеша.
Теперь сомнѣнья рѣшены:
Они на мѣльницу должны
Прѣхашъ завтра до разсвѣша,
Взвешши другъ на друга куроць
И мѣшишь въ ляжку иль въ високъ.

1988/1

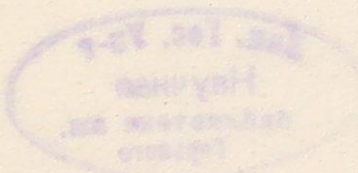

XIII.

Рѣшась кокетку ненавидѣшь,
 Кипящій Ленскій не хошѣль
 Предъ поединкомъ Ольгу видѣшь,
 На солнце, на часы смопрѣль,
 Махнулъ рукою напоследокъ —
 И очутился у сосѣдокъ.
 Онъ думалъ Олинку смушишь,
 Своимъ прїѣздомъ поразишь;
 Не шумъ-по было: какъ и прежде,
 Навстрѣчу бѣднаго пѣвца
 Прыгнула Олинка съ крыльца,
 Подобна въшреной надеждѣ,
 Рѣзва, безпечна, весела,
 Ну шочно ша же, какъ была.

XIV.

Зачѣмъ вечеръ такъ рано скрылись?
 Былъ первый Олинкинъ вопросъ.

1881

Всѣ чувства въ Ленскомъ помушились,
И молча онъ повѣсилъ носъ.
Исчезла ревность и досада
Предъ эпой ясностию взгляда,
Предъ эпой нѣжной простигой,
Предъ эпой рѣзвою душой!...
Онъ смотришь въ сладкомъ умиленъ;
Онъ видишь: онъ еще любимъ;
Ужъ онъ, раскаянемъ помимъ,
Госновъ просишь у ней прощенье,
Трепещешь, не находишь словъ,
Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ...

XV. XVI.

XVII.

И вновь задумчивый, унылый
 Предъ милой Ольгою своей,
 Владимірь не имѣешь силы
 Вчерашній день напомнишь ей;
 Онъ мыслишь: «буду ей спасишель.
 « Не пошерплю, чшобъ разврашишель
 « Огнемъ и вздоховъ и похваль
 « Младое сердце искушаль,
 « Чшобъ червь презрѣнный, ядовишый
 « Точиль лилей шебелѣкъ,
 « Чшобы двухушренній цвѣпокъ
 « Увяль еще полуразкрышый. »
 Все это значило, друзья:
 Съ Онѣгинымъ спрѣляюсь я.

XVIII.

Когда бь онъ зналь, какая рана
 Моей Ташьяны сердце жгла!

Когда бы вѣдала Ташьяна,
 Когда бы знашь она могла,
 Чшо завпра Ленскій и Евгеній
 Заспоряшь о могильной сѣни;
 Ахъ, можешъ бышь, ея любовь
 Друзей соединила бь вновь!
 Но эшой спраспи и случайно
 Еще никшо не ошкрываль.
 Онѣгинь обо всемъ молчалъ;
 Ташьяна изнывала шайно;
 Одна бы няня знашь могла,
 Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечерь Ленскій бымъ разсѣянъ,
 То молчаливъ, шо весель вновь;
 Но шопь, кшо музою взлелѣянъ,
 Всегда шаковъ: нахмурия бровь,

Садился онъ за клавикорды,
 И бралъ на нихъ одни аккорды,
 То, къ Ольгѣ взоры устремивъ,
 Шепшаль: не правда ль? я счастливъ.
 Но поздно; время ѣхашь. Сжалось
 Въ немъ сердце полное поской;
 Прощаясь съ дѣвой молодой,
 Оно какъ будно разрывалось.
 Она глядишь ему въ лицо.
 «Чшо съ вами?» — Такъ. — И на крыльцо.

XX.

Домой пріѣхавъ, пистолепы
 Онъ осмопрѣлъ, пошомъ вложилъ
 Опяшь ихъ въ ящикъ, и раздѣшый,
 При свѣчкѣ, Шиллера ошкрылъ;
 Но мысль одна его объемлеть;
 Въ немъ сердце грустное не дремлеть:

Съ неизъяснимою красой
 Онъ видишь Ольгу предъ собой.
 Владимірь книгу закрываешь,
 Берешь перо; его сшихи,
 Полны любовной чепухи,
 Звучашь и льюшся. Ихъ чишаешь
 Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
 Какъ Д. пьяный на пиру.

XXI.

Сшихи на случай сохранились;
 Я ихъ имѣю; вошь они:
 «Куда, куда вы удалились,
 Весны моей злашые дни?
 Чшо день грядущій мнѣ гошовишь?
 Его мой взоръ напрасно ловишь,
 Въ глубокой мглѣ шаишся онъ.
 Нышь нужды; правъ судьбы законъ.

Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
 Иль мимо пролетишь она,
 Все благо: бдѣнія и сна
 Приходишь часъ опредѣленный;
 Благословень и день заботъ,
 Благословень и шмы приходи!

XXII.

«Блеснешь заупра лучъ денницы
 И заиграешъ яркій день;
 А я — бышь можешъ, я гробницы
 Сойду въ шайншвенную сѣнь,
 И память юнаго поэта
 Погмошишь медленная Леша,
 Забудешъ мѣръ меня; но шы
 Придешъ ли, дѣва красошы,
 Слезу пролишь надъ ранней урной
 И думашъ: онъ меня любиль,

Онъ мнѣ единой посвяшилъ
 Разсвѣтъ печальный жизни бурной!...
 Сердечный другъ, желанный другъ,
 Приди, приди: я швой супругъ!...»

XXIII.

Такъ онъ писалъ *темно и вло*
 (Чшо романшизмомъ мы зовемъ,
 Хошь романшизма шущь ни мало
 Не вижу я; да чшо намъ въ шомъ?)
 И наконецъ передъ зарёю,
 Склонясь успалой головою,
 На модномъ словѣ *идеаль*
 Тихонько Ленскій задремаль;
 Но шолько соннымъ обаянемъ
 Онъ позабылся, ужъ сосѣдъ
 Въ безмолвный входилъ кабинетъ
 И будилъ Ленскаго воззваньемъ:

« Пора вспавашь: седьмой ужь чась.

« Онѣгинь вѣрно ждешь ужь насъ. »

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгений

Спалъ въ эшо время мершвымъ сномъ.

Уже рѣдьюшь ночи шѣни

И встрѣченъ Весперь пѣшухомъ ;

Онѣгинь спишь себѣ глубоко.

Ужь солнце кашицца высоко

И перелешная мяшель

Блеспишь и вьешся; но поспель

Еще Евгений не покинулъ,

Еще надъ нимъ лепашь сонъ.

Вошь наконецъ проснулся онъ

И полы завѣса раздвинулъ ;

Глядишь — и видишь, что пора

Давно ужь вѣхашь со двора.

XXV.

Онъ поскорѣй звонить. Вбѣгаешь
 Къ нему слуга Французъ Гильо,
 Халашъ и шуфли предлагаешь
 И подаешь ему бѣльѣ.
 Спѣшишь Онѣгинъ одѣваться,
 Слугѣ велишь пригошовляться
 Съ нимъ вмѣстѣ ѣхать и съ собой
 Взять также ящикъ боевой.
 Гошovy санки бѣговыe.
 Онъ сѣлъ, на мѣльницу лешить.
 Примчались. Онъ слугѣ велишь
Лепажу сшволы роковыe
 Несши за нимъ, а лошадямъ
 Опѣѣхать въ поле къ двумъ дубкамъ.

XXVI.

Опершись на площадку, Ленскій
 Давно нешерпѣливо ждалъ;

Межь шѣмъ, механикъ деревенскій,
Зарѣцкій жорновъ осуждалъ.

Идешь Онягинь съ извиненьемъ.

« Но гдѣ же, молвилъ съ изумленьемъ

Зарѣцкій, гдѣ вашъ секундантъ? »

Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,

Любилъ мешоду онъ изъ чувства,

И челоуѣка разшпанушь

Онъ позволялъ — не какъ нибудь,

Но въ спрогихъ правилахъ искусства,

По всѣмъ преданьямъ старины

(Что похвалишь мы въ немъ должны).

XXVII.

« Мой секундантъ? сказалъ Евгеній,

Вошь онъ: мой другъ, *monsieur Guillot*.

Я не предвижу возраженій

На предшавленіе моё:

Хошь человекъ онъ неизвѣстный,
 Но ужь конечно малый честный. »
 Зарѣцкій губу закусилъ.
 Онѣгинь Ленскаго спросилъ:
 Чшо жь, начинашь? — Начнемъ, пожалуй,
 Сказалъ Владиміръ. И пошли
 За мѣльницу. Пока вдали
 Зарѣцкій нашъ и *гестный малой*
 Вступили въ важный договоръ,
 Враги спояшъ, пошуля взоръ.

XXVIII.

Враги! Давно ли другъ отъ друга
 Ихъ жажда крови опшела?
 Давно ль они часы досуга,
 Трапезу, мысли и дѣла
 Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
 Врагамъ наслѣдшвеннымъ подобно,

Какъ въ спрашномъ непоняшномъ снѣ,
 Они другъ другу въ шшинѣ
 Гошовашь гибель хладнокровно...
 Не засмѣяшься ль имъ, пока
 Не обагрилась ихъ рука,
 Не разойшишься ль любововно?...
 Но дико свѣшская вражда
 Боишься ложнаго сшыда.

XXIX.

Вошь писполешы ужъ блеснули.
 Гремись о шомполь молошокъ.
 Въ граненый шволь уходяшь пули
 И щелкнуль въ первый разъ куроць.
 Вошь порохъ спруйкой сѣровашой
 На полку сыплешся. Зубчатый,
 Надежно ввинченый кремень
 Взведенъ еще. За ближній пень

Спановишся Гильо смущенный.
 Плащи бросають два врага.
 Зарѣцкій шридцашь два шага
 Опмѣрять съ шочносьью опмѣнной,
 Друзей развелъ по крайній слѣдъ,
 И каждый взялъ свой пистолезь.

XXX.

« Теперь сходишесь. »

Хладнокровно,
 Еще не цѣля, два врага
 Походной швердой, шихо, ровно
 Чешыре перешли шага,
 Чешыре смершныя ступени.
 Свой пистолезь тогда Евгенийъ,
 Не преставаая настулашь,
 Сталь первый шихо подымашь.
 Вошь пяшь шаговъ еще ступили,
 И Ленскій, жмурия лѣвый глазъ,

Спаль также цѣлишь — но какъ разъ
 Онѣгинь выстрѣлиль... Пробили
 Часы урочные: поэшь
 Роняешь, молча, пистолешь,

XXXI.

На грудь кладешь пихонько руку
 И падаешь. Туманный взоръ
 Изображаешь смершь, не муку.
 Такъ медленно по скапу горъ,
 На солнць искрами блиспая,
 Спадаешь глыба снѣговая.
 Мгновеннымъ холодомъ облипъ,
 Онѣгинь къ юношѣ спѣшишь,
 Глядишь, зовешь его... напрасно:
 Его ужъ нѣшь. Младой пѣвецъ
 Нашель безвременной конецъ.
 Дохнула буря, цвѣшь прекрасной

Увяль на ушренной зарѣ,
 Пошухъ огонь на алшарѣ!...

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и спранень
 Быль помный миръ его чела.
 Подъ грудь онъ былъ навывелшь ранень;
 Дымясь изъ раны кровь шекла.
 Тому назадъ одно мгновенье
 Въ семь сердець билось вдохновенье,
 Вражда, надежда и любовь,
 Играла жизнь, кипѣла кровь:
 Теперь, какъ въ домъ опусшломъ,
 Все въ немъ и шихо и шемно;
 Замолкло навсегда оно.
 Закрышы спавни, окны мѣломъ
 Забѣлены. Хозяйки нѣшь.
 А гдѣ, Богъ вѣшь. Пропаль и слѣдь.

XXXIII.

Пріятно дерзкой эпиграммой
 Взбѣсишь оплошнаго врага ;
 Пріятно зрѣшь, какъ онъ , упрямо
 Склонивъ бодливые рога ,
 Невольно въ зеркало глядишь
 И узнавашь себя спыдишь ;
 Пріятнѣй, если онъ , друзья ,
 Завоуеть сдуру: эшо я!
 Еще пріятнѣе въ молчаньи
 Ему гошовишь честный гробъ
 И шихо цѣлишь въ блѣдный лобъ
 На благородномъ разспояньи ;
 Но опослашь его къ опцамъ
 Едва ль пріятно будешь вамъ .

XXXIV.

Чшо жь , если вашимъ писполешомъ
 Сраженъ пріятель молодой ,

Нескромнымъ взглядомъ, иль опвѣшомъ,
 Или бездѣлицей иной
 Васъ оскорбившій за бушылкой,
 Иль даже самъ въ досадѣ пылкой
 Васъ гордо вызвавшій на бой,
 Скажите: вашею душой
 Какое чувство овладеетъ,
 Когда недвижимъ, на землѣ
 Предъ вами съ смерщью на чель,
 Онъ поспешенно коснется,
 Когда онъ глухъ и молчаливъ
 На вашъ опчаянный призывъ?

XXXV.

Въ шокъ сердечныхъ угрѣзений,
 Рукою списнувъ пистолеть,
 Глядишь на Ленскаго Евгеній.
 Ну, чтожь? убить: рѣшилъ сосѣдь.

Убишь!.. Симъ спрашнымъ восклицаньемъ
 Сражень, Онѣгинъ съ содроганьемъ
 Опходишь и людей зовешь.
 Зарѣцкій бережно кладешь
 На сани пруть оледенѣлый;
 Домой везешь онъ спрашный кладъ.
 Почуя мерсваго, храпяшь
 И бьются кони, пѣной бѣлой
 Спальныя мочашъ удила,
 И полетѣли, какъ снѣга.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
 Во цвѣтѣ радосныхъ надеждъ,
 Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
 Чуть изъ младенческихъ одеждъ,
 Увяль! Гдѣ жаркое волненье,
 Гдѣ благородное стремленье

И чувствъ и мыслей молодыхъ,
 Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
 Гдѣ бурныя любви желанья,
 И жажда знаній и труда,
 И страхъ порока и стыда,
 И вы, завѣшныя мечтанья,
 Вы, признакъ жизни неземной,
 Вы, сны поэзіи свяшой!

XXXVII.

Бышь можешь, онъ для блага міра,
 Иль хошь для славы былъ рождень;
 Его умолкнувшая лира
 Гремучій, непрерывный звонъ
 Въ вѣкахъ подняшь могла. Поэша,
 Бышь можешь, на ступеняхъ свѣта
 Ждала высокая ступень.
 Его спрдадальческая стѣна,

Бышь можешь, унесла съ собою
 Свяшую шайну, и для насъ
 Потибъ живошворящій гласъ,
 И за могильною чершою
 Къ ней не домчисся гимнь времянь,
 Благословенія племень.

XXXVIII.

XXXIX.

А можешь бышь и шо: поэпа
 Обыкновенный ждалъ удѣль.
 Прошли бы юношества лѣша:
 Въ немъ пыль души бы охладѣль.
 Во многомъ онъ бы измѣнился,
 Разспался бь съ музами, женился,
 Въ деревнѣ счасливь и рогашь
 Носиль бы спеганый халашь;

Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
 Подагру бѣ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
 Пилъ, ѣлъ, скучалъ, полспѣлъ, хирѣлъ,
 И наконецъ въ своей постелѣ
 Скончался бѣ посреди дѣшей,
 Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей.

XL.

Но чтобы ни было, чишашель,
 Увы, любовникъ молодой,
 Поэшь, задумчивый мечшашель,
 Убишь пріятельскою рукою!
 Ешь мѣспо: вѣво ошь селеня,
 Гдѣ жилъ пишомецъ вдохновеня,
 Двѣ сосны корнями срослись;
 Подъ ними спруйки извились
 Ручья сосѣдственной долины.
 Тамъ пахарь любитъ ошдыхашь,

И жницы въ волны погружашь
 Приходяшъ звонкіе кувшины;
 Тамъ у ручья въ пѣни густой
 Поспавлень памяшникъ проспой.

XLI.

Подъ нимъ (какъ начинаешъ капашь
 Весенній дождь на злакъ полей)
 Пасхухъ, плешя свой песпрый мапотъ,
 Поешь про Волжскихъ рыбаей;
 И горожанка молодая,
 Въ деревнѣ льпо провожда,
 Когда спремглавъ верхомъ она
 Несешся по полямъ одна,
 Коня предъ нимъ оспановляешъ,
 Ремянный поводъ напянувъ,
 И, флерь ошъ шляпы отвернувъ,
 Глазами бѣглыми чишаешъ

Просшую надпись — и слеза
Туманишь нѣжные глаза.

XLII.

И шагомъ ѣдешь въ чиспомъ полѣ,
Въ мечпанье погрузясь, она;
Душа въ ней долго поневолю
Судьбою Ленскаго полна;
И мыслишь: « что-то съ Ольгой спало?
Въ ней сердце долго ли спрадало,
Иль скоро слезъ прошла пора?
И гдѣ шеперь ея сеспра?
И гдѣ жъ бѣглець людей и свѣша,
Красавиць модныхъ модный врагъ,
Гдѣ эшошь пасмурный чудаць,
Убійца юнаго поэша? »
Современемъ опчешь я вамъ
Подробно обо всемъ опдамъ,

XLIII.

Но не шеперь. Хошь я сердечно
 Люблю героя моего,
 Хошь возвращусь къ нему конечно,
 Но мнѣ шеперь не до него.
 Льша къ суровой прозѣ клоняшь,
 Льша шалуню риему гоняшь,
 И я — со вздохомъ признаюсь —
 За ней лѣнивѣй волочусь.
 Перу сшаринной нѣшь охошы
 Марашь лешучіе лисшы;
 Другія, хладныя мечшы,
 Другія, спрогія забошы
 И въ шумѣ свѣша и въ пиши
 Тревожашь сонѣ моей души.

XLIV.

Позналь я гласъ иныхъ желаній,
 Позналь я новую печаль;

Для первыхъ нѣтъ мнѣ упованій,
 А сшарой мнѣ печали жаль.
 Мечшы, мечшы! гдѣ ваша сладость?
 Гдѣ, вѣчная вамъ риѣма, младость?
 Уже ль и вправду наконецъ
 Увяль, увяль ея вѣнецъ?
 Уже ль и впрямь, и въ самомъ дѣлѣ,
 Безъ элегическихъ зашѣй,
 Весна моихъ промчалась дней
 (Что я шуша швердиль досель)?
 И ей уже ль возвраша нѣшь?
 Уже ль мнѣ скоро шридцашь лѣшь?

XLV.

Такъ, полдень мой насшалъ, и нужно
 Мнѣ въ шомъ сознашья, вижу я,
 Но шакъ и бышь: просшимся дружно,
 О юношь легкая моя!

Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милья мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всё, за всё швои дары;
Благодарю тебя. Тобою,
Среди шревогъ и въ пишинѣ,
Я насладился... и вполнѣ;
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Опъ жизни прошлой ошдохнуть.

XLVI.

Дай оглянусь. Просшите жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои шекли въ глуши,
Исполненны спрасшей и лѣни
И сновъ задумчивой души.
А пы, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,

Дремошу сердца оживляй,
 Въ мой уголь чаще прилешай,
 Не дай остышь душѣ поэта,
 Ожеспочинься, очерсшвѣшь,
 И наконецъ окаменѣшь
 Въ мершвящемъ упоеньи свѣша,
 Среди бездушныхъ гордецовъ,
 Среди блиспашельныхъ глупцовъ,

XLVII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
 Шальныхъ, балованныхъ дѣшей,
 Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
 Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
 Среди кокешокъ богомольныхъ,
 Среди холопьевъ добровольныхъ,
 Среди всеневныхъ, модныхъ сценъ
 Учшивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,

Среди холодных приговоровъ
 Жестокосердой суешы,
 Среди досадной пустошы
 Расчетовъ, думъ и разговоровъ,
 Въ семь омушъ, гдѣ съ вами я
 Купаюсь, милыя друзья.

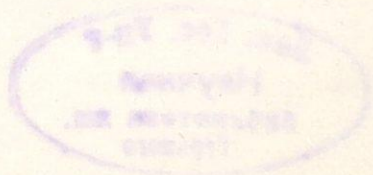
ПРИМЪЧАНІЕ.

Въ продолженіе изданія I Части Евгенія Онегина вкра-
 лось въ нее нѣсколько значительныхъ ошибокъ.
 Важнѣйшія изъ нихъ помѣщаются здѣсь. Поправки
 означены подѣ ними *en italique*.

	Гл. Стран. Стихъ		
забава;			
<i>забава</i> ,	I	XI.	1.
присѣшь,			
<i>присѣств.</i>	—	—	2.
И разгласишь			
<i>Ужъ разгласитъ</i>	—	—	3.
Я содрагаюсь			
<i>И такъ и вспыхну</i>	—	XVIII.	2.
сѣшу			
<i>сѣту?</i>	—	XIX.	4.
(Я всѣмъ чужой), душа			
<i>И всѣмъ гужой. Душа</i>	—	—	5.
вевать			
<i>зввать</i>	—	16.	1.

Гл. Спран. Спихъ.

И нынче иногда во снѣ			
<i>Я все ихъ помню, и во снѣ</i>	I	25.	11.
смущающъ			
<i>тревожатъ</i>	—	—	12.
величавы			
<i>непоротны</i>	—	33.	9.
непорочны			
<i>величавы</i>	—	—	10.
число сохраняющъ нравы			
<i>осмотрительны, такъ точны</i>	—	—	12.
<i>(XLVI строфа должна предшествовать XLV.)</i>			
дань,			
<i>дань:</i>	—	49.	9.
<i>O rus!</i>			
<i>O Русь!</i>	II	6.	
ключницей			
<i>ключницей</i>	—	9.	7.
воображалъ			
<i>подозрвалъ</i>	—	13.	10.
Еще былъ менѣе			
<i>Гораздо меньше былъ</i>	—	17.	2.
Какъ Проспакова			
<i>Единовластно</i>	—	35.	1.
спѣвшишь			
<i>тѣснитъ</i>	—	40.	9.
Зимой			
<i>Домой</i>	III	12.	2.
Какъ у			
<i>Тотъ въ тотъ въ</i>	—	13.	7.
дышало			
<i>дремало</i>	—	26.	13.
И			
<i>Всѣ</i>	—	30.	6.
Сосѣду			
<i>Къ сосѣду</i>	—	43.	6.

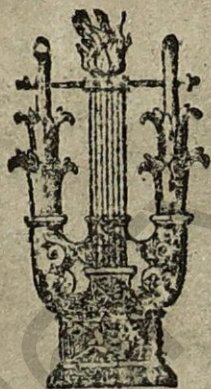
[75 p]

легкій			
долгій	IV.	29.	13.
вѣрно			
важно	—	31.	9.
оспро-ль			
остро	—	—	10.
поднесетъ			
подаетъ	—	32.	4.
Или			
И все	—	33.	12.
Завсегда			
Завсегда,	—	45	9.
Мужей			
Мужевъ	V.	56.	16.
Жеманный ль			
Жеманный	—	57.	9.
И силъ			
И силъ уже	—	65.	12.
ужасный			
и крикъ и	—	66.	6.
Визгъ, хохопъ, свиспъ и хлопъ			
Лай, хохотъ, пнве, свистъ и хлопъ	—	67.	15.
засмѣлся			
засмѣется	—	68.	9.
Хвосты, хохлашы			
Хвосты хохлатые,	—	69.	14.
шайный			
страстный	—	79.	4.
проворный			
проворно	—	91.	5.
Какъ разъ рвшатъ			
Вдругъ разршатъ	—	92.	14.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СЛОВО

Продается въ С. Петербургѣ
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по
пяти рублей за экземпляръ.
За пересылку въ другіе города
прилагается 80 копѣекъ.